

© 1995 г. В.М. МОКИЕНКО

ИДЕОГРАФИЯ И ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИИ

*Борису Юстиновичу Норману
к пятидесятилетию*

Идеография и историко-этимологический подход к фразеологии – органически связанные проблемы уже потому, что семантика составляет и функциональную сущность фразеологических единиц (далее – ФЕ) как особых элементов языка, и искомое лингвистического анализа данных единиц. Сознвая это, фразеологи, однако, отнюдь не сразу пришли к вовлечению идеографического инструментария в диахронический анализ устойчивых оборотов. До недавнего прошлого такому подключению во многом препятствовало отождествление методики этимологизации слов с методикой этимологизации фразеологизмов.

В теорию и практику этимологических и историко-лексикологических исследований осознание необходимости и важности семантического аспекта анализа приходило с накоплением массива конкретных языковых фактов и оттачиванием чисто лингвистических методов изучения ФЕ. Младogramматические каноны, длительное время считавшиеся единственно доказательными в сфере сравнительно-исторического языкознания, придавали самодовлеющее значение ф о р м а л ь н о й стороне аргументации, строгим фонетическим, словообразовательным и морфологическим соответствиям, трактуя семантику как весьма лабильную и субъективную материю. В отечественной исторической лексикологии небрежение к семантике было усилено марризмом, где поиски глобальных первооснов оттесняли на задний план изучение поэтапности смысловых переходов и генетически импульсирующих изо-семантических моделей. Б.А. Ларину пришлось поэтому в 50-е годы специально обосновывать и декларировать доказуемость семантических аргументов. "Семантика – вот область, где можно достичь высокой точности исследования", – подчеркивал он в одной из своих лекций.

Справедливость этого утверждения доказывают многие современные работы. Характерно, что при реконструкции праславянской фразеологии именно семантический критерий становится определяющим для диагноза исконности/неисконности того или иного словосочетания. Семантическая стабильность при относительной неизменности формальной структуры нередко является показателем калькированности, в то время как семантическая стабильность при структурно-компонентном варьировании часто свидетельствует об исконности ФЕ в данном языковом ареале [Толстой 1973].

Практика конкретного этимологического и историко-лексикологического анализа лексикой давно уже продемонстрировала эффективность и состоятельность семантического критерия. Исследователи нередко оказывались перед необходимостью семантического моделирования внутренней формы, и интуитивно именно такая процедура приводила к верному решению. Примерами здесь могут служить предпринятая

М.М. Покровским попытка воссоздания изосемантических полей [Покровский 1895] или словари К.Д. Бака [Buck 1949] и И. Шрёпфера-А. Хёнига [Schröpfer, Hönig 1989–], где основной методологической установкой является именно семантика внутренней формы этимологизированных лексем.

Современное внимание к идеографии, стремление воссоздать "картину мира", начертанную языковыми средствами, дают новый импульс к историко-этимологическим поискам как в лексике, так и во фразеологии. Семантические модели, выявляемые в процессе идеографического распределения языковых единиц, служат довольно надежным критерием проверки многих традиционных этимологий, широко используются при типологическом сопоставлении разных языков. Фразеологи, приступая к идеографическому анализу своего материала, нередко склонны не делать различий между лексической и фразеологической идеографией, объединяя лексемы и фраземы в "лексико-фразеосемантические группы" (ср. [Бахвалова 1993]). Такое объединение в общем виде правомерно, поскольку между лексикой и фразеологией немало точек пересечения именно на семантическом уровне. Не случайно в хороших синонимических словарях фразеология обычно приводится в одном ряду с лексикой, что расширяет синонимическую кладовую описываемых языков.

Тем не менее отождествление лексической и фразеологической идеографии чревато опасностью искажения "фразеологической картины мира". Усилиями многих фразеологов выявлена синхронная специфичность фразеологической семантики – ее пейоративная доминанта и антропоморфность, т.е. почти исключительная направленность на характеристику человека и его деятельности [Федоров 1991 : 89; Lewicki, Rajdzińska 1993 : 321–325 и др.]. "Во фразеологии, – подчеркивал еще в 1972 году Л.И. Ройзензон, – отрицательно коннотированные поля всегда более мощные (в количественном отношении), чем поля с положительной коннотацией. Это общая закономерность фразеологии в языках мира вообще" [Ройзензон 1972 : 18]. Если фразеолог или фразеограф этой специфики не учитывает, его классификация обычно дублирует либо, в лучшем случае, корректирует общую идеографическую схему "объективной действительности", разработанную в тезаурусе Марка Роже [Roget 1852; 1882; 1925 и др.] и его последователями [Sanders 1873–1877; Casares 1959; Караулов 1976; Морковкин 1970 и др.]¹.

Многие пробелы такой глобальной классификации остаются при этом либо вообще незаполненными, либо представлены единичными случаями. Более того – при стремлении отождествить лексическую и фразеологическую идеографию фразеолог вынужден идти и на отождествление лексемы с фраземой. Вот почему при попытках глобальной "идеографизации" фразеолог обычно очень широко трактует фразеологизмы, включая в их состав многие обороты неэкспрессивного, номинативного типа. Прагматическим следствием подобного подхода неизбежно становится включение во фразеологический словарь лексем.

Показательным в данном плане представляется недавно вышедший в Германии словарь [Scheman 1989]. Хотя автор подчеркивает, что членение рядов в синонимическом словаре немецких поговорок в сравнении с членением лексем в общем синонимическом словаре "несравненно динамичнее" [Scheman 1989 : XXXVI], в практической части этого словаря мы находим немало единиц, которые большинством фразеологов не будут квалифицированы как ФЕ, идиомы или поговорки; например, в поле "множества" – *ein Strom* (von Menschen), *ist schwarz* (von Menschen), *überlaufen* sein и т.п. [Scheman 1989 : 229]. Такого рода единицы – образные лексемы, а отнюдь не фразеологизмы. Характерно, что в данном словаре фразеологических синонимов рубрикация материала, при всей общеидеографичности, имеет и тенденцию отразить фразеологическую специфику: "Время – пространство – движение", "Жизнь – смерть", "Внешность человека",

¹ Обзор попыток идеографической квалификации лексики и фразеологии см. [Мокиенко 1982; Никитина 1994].

"Отношение к миру", "Отношение к окружающим", "Влияние – власть – обладание – владение", "Предпочтения" и др.

Синонимические словари фразеологизмов, вышедшие недавно в России и за рубежом [Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987; Коломієць, Регушевський 1988; Бирих, Мокиенко, Степанова 1992, 1993, 1994], в рассматриваемом аспекте концентрированное и строже отражают чисто фразеологическую специфику соответствующих языков. Несмотря на некоторую непоследовательность принципов отбора и описания ФЕ, различия в систематизации и отдельных трактовках (анализ названных русского и украинского словарей см. в рецензиях [Мокиенко 1988; 1990]), авторы, опираясь на современную теоретическую разработку фразеологии, сумели отойти от "глобализма" идеографической схемы П. Роже и дать в целом объективную и в то же время специализированную "картину фразеологического мира".

Учет идеографической избирательности фразеологической системы обеспечивает ее более концентрированное описание, создает основу для выявления изосемантических рядов, характерных для ФЕ. Как свидетельствуют работы многих фразеологов, наиболее активны в идеографическом ключе высоко коннотированные поля: характеризующие человека, его действия и состояния, квантитативность и темпоральность. Особенно убедительно результаты таких исследований продемонстрированы в докладах (гесп. тезисах докладов) А.С. Аксамитова, К. Анковой-Ничевой, И. Дашчиньской, Т.Г. Никитиной, Н.А. Смоляковой, В.Н. Телии, А.А. Хуснутдинова и других фразеологов на недавней международной конференции "Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии", организованной фразеологической комиссией Международного комитета славистов во Пскове [ИИЭФ 1994]. По идеографической концентрированности и количественной представленности, как показывает материал таких исследований, конкретные семантические поля значительно отличаются друг от друга. Отнюдь не изоморфны идеографические структуры и на оси "синхрония – диахрония". От таких различий во многом зависит возможность применения в историко-этимологическом анализе ФЕ метода структурно-семантического моделирования [Мокиенко 1973; 1980; 1989]. Чем стереотипнее структура и внутренняя форма ФЕ, входящих в конкретное семантическое поле, тем более доказуемой оказывается операция структурно-семантического моделирования. Его корректировкой является экстралингвистическая идентификация последовательного фразеологического варьирования.

Проиллюстрируем взаимодействие принципов идеографического описания и историко-этимологической интерпретации на материале квантитативной фразеологии славянских языков. Она углубленно изучалась в диссертационных работах многих исследователей, особенно – участников петербургского фразеологического семинара. Собран и проинтерпретирован материал русских диалектов, просторечия и разговорной речи [Ивашко 1981; 1994; Бойцов 1986; Подюков 1990], чешского и словацкого языков [Тепляков 1983; Степанова 1985; Демьянович 1980], болгарского, сербохорватского, македонского [Смолякова 1985; Кабанова 1986], польского [Николаева 1989; Гринева 1994], украинского, белорусского, верхнелужицкого [Ивченко 1987], кашубского [Ермола 1983] и др. Такой материал дает широкие возможности для историко-этимологической расшифровки трудных по мотивировке фразем, характеризующих множество.

Примечательно, что в этом поле даже простые по структуре и семантике обороты вызывают серьезные этимологические разногласия. Так, особых разысканий требует выяснение исходной формы и образа чешского сравнения *je tam líd jako na pražském mostě*, которое, как предполагают некоторые интерпретаторы, первоначально имело вид *je tam líd jako na prašném mostě* [Тепляков 1983 : 9]. Национально-культурологического комментария требуют польские компаративы *jak i Zyda czapek; jak czerwonych Żydów* [Гринева 1994 : 12]. Еще более дискуссионна этимология

сравнительного оборота, пренебрежительно характеризующего множество народа в русском языке – как *собак нерезаных*. М.И. Михельсон в начале века, приведя диалектное слово *нерез* "самец свиньи, кабан (не боров)", осторожно предположил, что прил. *нерезаный* в данном сравнении значит "неоскопленный, некастрированный" [Михельсон 1902, 1 : 402]. Это предположение затем несколькими авторами уже излагалось как доказанный лингвистический факт [Овсянников 1933 : 107; Шанский, Зимин, Филиппов 1979 : 77]. Исходное значение оборота на такой "лингвистической основе" расшифровывается в справочнике для иностранцев следующим образом: "много, как собак-самцов около самки" (a lot of mate dogs around a bitch) [Огольцов, 1984 : 133].

Однако подключение сопоставительного материала других славянских языков в рамках идеографического ряда квантитативности демонстрирует несостоятельность указанной интерпретации. Русский компаратив, по-видимому, – лишь локальный эксплицированный вариант более краткого оборота, известного в других славянских языках: чеш. *je koňo jako psi*, словацк. *je koňo ako psow*; пол. *jak psów*. Русские диалекты и просторечие дают и другие варианты оборота: как *собак небитых*, как *собак недобитых*, как *собак невешанных*, которые тоже позволяют отвергнуть толкование причастия *нерезаный* как "некастрированный". Оно здесь значит – "не убитый ножом, незарезанный" [Мокиенко 1989а : 138–140].

Простой, на первый взгляд, случай представляет из себя расшифровка русского выражения другой структуры: *до черта* "очень много". В русских народных говорах, а также в белорусском и украинском языках оно имеет массу вариантов: *до беса*, *до дьявола*, *до шута*, *до хрена*, *до фи́га*, кар. *до ві́хора*, *до пра́ха*, сиб. *до вихря*, *до паралича*, курск., сиб. *до пропасти*, моск., сиб. *до гибели*, прост. диал. *до дуры*, по дуру, новг. *до о́мута*, обск., новг. *до лешего*, перм., уральск. *до лесного*, *до чёмору*, смол. *до пса*, укр. *до біса*, бел. *да ката́* [Ивашко 1983 : 48–49; Мокиенко 1986 : 170]. В сопоставительно-идеографическом ключе все эти обороты, включая и такие, как *до дуры*, *до гибели*, *до о́мута* или бел. *да ката́* – оказываются мифологизмами, ибо соответствующие лексемы именуют различного типа чертей. Ср. бел. *Кат яго бери! Ідзі до ката! На ката ты мне*, относимые И.И. Носовичем к третьему значению слова *кат* – "враг, дьявол" [Насовіч 1983 : 231], или тесное взаимодействие *пес* – *черт*, недавно детально проанализированное Б.А. Успенским в связи с расшифровкой русского матерного ругательства [Успенский 1988].

Демонологическая фразеология не только отражает древнейшие языческие представления славян и балтов, но и демонстрирует интенсивные связи со многими лексическими (особо – высоко экспрессивными), ономастическими и фольклорными пластами [Eckert 1991 : 101–132; Мокиенко 1994 : 63–66]. Разумеется, в процессе эволюции она, как и другие фразеологические сферы, подвергалась влиянию христианизации. Так, любопытно, что в польском языке поле квантитативности включает обороты с тем же предлогом, но иными, христианскими религиозными концептами: *do Boga*, *do aleluja*. Они характеризуют при этом не избыточную множественность, как восточнославянские выражения, а лишь оценивают не к о т о р о е к о л и ч е с т в о кого-, чего-л. [Гринева 1994 : 12].

Выстраивание такого рода фразеологизмов в один идеографический ряд позволяет, думается, предложить расшифровку их исходного образа. Предлог *до* в выражении *до черта* и т.п. имеет не значение предельности (как обычно кажется носителям русского языка), но значение направленности действия (ср. вышеприведенное бел. *Ідзі до ката!*). Понятие множественности вырастает здесь из мифологического представления о возможности и необходимости отдавать черту нечто малоценное, имеющееся в большом количестве (ср. *ни богу свечка, ни черту кочерга* и под.). Ср. пск. *чёрт не схватит* "очень много" [Ивашко 1981 : 51]. *До черта* – это в таком избытке, что можно отдать и нечистому.

Синкретизм понятий малоценности и множественности – одна из семантических универсалий поля количественности. Ср. *как грязи*, русск. гов. Литвы *как воды*, народ. *денег как щепок*, диал. *ногой пихай*, *ногами толочь*, чеш. *děti jako smetl, peněz jako želez, peněz jako slupek, lidé jako písku mořského*, польск. *jak liści na drzewie, co drzew w lesie* и т.п. Этот семантический признак помогает, между прочим, дать вероятную расшифровку и русской идиомы *хоть пруд пруди* на фоне диалектных и восточнославянских *хоть гать гати*, *хоть улицу мости*, *хоть мосты мости* и т.п.

Роль идеографической доминанты и межславянского сопоставления можно было бы продемонстрировать и на таких нелегких для историко-этимологической интерпретации примерах количественной фразеологии, как *кишмя кишеть* или *как на Маланьину свадьбу* [Мокиенко 1986 : 104–110; 1974]. Еще больше материала, разумеется, дают сложные случаи этимологизирования русской и славянской идиоматики за пределами этого поля (см. аннотированную библиографию такого рода попыток [Материалы 1993]).

Покажем суть соответствующего методологического подхода на примере развернутого историко-этимологического анализа одной конкретной ФЕ – устойчивого сравнительного оборота *знать как облупленного*.

Несмотря на его широкую известность, данный оборот относительно недавно попал в русский литературный язык. Не случайно богатейшее собрание М.И. Михельсона, зарегистрировавшее в начале века даже окказиональные фразеологизмы, этого выражения не включает: видимо, тогда оно еще оставалось за пределами литературного обихода. Зато в советское время оно стало активным элементом русской фразеологической системы, конкурируя со своим синонимом *знать как свои пять пальцев*. Его употребляют многие писатели, характеризуя детальное, до мельчайших подробностей знание кого-либо или – реже – чего-либо:

– Жаль, что я вместе с вашими не пошел: может, на улице бы его встретил, – я-то ведь *знаю Ригу как облупленного* (В. Саянов. Небо и земля); – Майора нашего я *как облупленного знаю*. С полслова понимаю. Мировой старик (В. Некрасов. В окопах Сталинграда); – Бурю пережидают дома, – настаивал Комнатный. – Нашего прокурора *знают как облупленного*. Слухарь, законник (В. Кукушкин. Хозяин); Мы не телепаты, мы просто *знаем друг друга как облупленных* (В. Санин. Трудно отпускает Антарктида); Класс у тебя будет неполный. А в соседней школе один класс закрывают. Ну пополнят твой класс чужими. Неужели "собственные" двоечники хуже? Ты же их *знаешь как облупленных* и уже чему-то научил (Ю. Забинков. Фигура умолчания); – А вы его знаете? – Знаю, слышал. Сам-то я не из здешних мест, а здешних мы тоже *знаем как облупленных* (А. Баженов. Осенью в школу); – А знаешь ее? Чего ты сразу-то руками замахал?! Ты хоть раз бывал там? – Вязовку-то? Да я ее *как облупленную знаю*, вашу Вязовку! (В. Шукшин. Выбираю деревню на житье).

Как видим, стилистическая тональность оборота более низка, чем окраска синонимичного ему сравнения *знать как свои пять пальцев*. Просторечное выражение *знать как облупленного* более экспрессивно: это не просто знать до мельчайших деталей кого-либо, но и знать его со всеми недостатками, "со всеми потрохами".

Повышенная экспрессивность выражения обусловлена не только просторечной окраской слова *облупленный*, но и отсутствием того существительного, которое им некогда определялось: ср. аналогичные по образованию обороты *на боковую*, *на понятную*, *как заведенный* и т.п. Разгадывать этимологически такие случаи довольно трудно: ведь к большинству прилагательных и причастий можно присоединить немало определяемых ими слов. Иногда их ряд весьма широк, иногда – достаточно узок, но всегда возможностей для гипотетических реконструкций больше, чем предлагается реальным конкретным прототипом.

Какое же именно существительное определялось первоначально словом *облупленный* в нашем обороте?

На этот вопрос пытался уже ответить Н.М. Шанский. Он возводит данное сравнение к конкретным словосочетаниям *как облупленное яйцо* или *как облупленное яичко* [Шанский 1985 : 142, 114]. Оборот по его версии якобы – результат усечения, эллипсиса указанных сравнений.

Причастие *облупленный*, действительно, часто употребляется в сочетании со словами *яйцо*, *яичко*. Такая связь "освящена" и фольклором. Ср. хотя бы взаимодействие этих слов в народных пословицах и поговорках: *облупить как яичко*; *Дай ему яичко, да еще и облупленное*; *Вот тебе яичко попово, облуплено, готово*; *солгать, что облупленно яичко съесть* и т.п. Есть в этом фольклорном жанре и выражения (*чисто*, *ясно*) *как облупленное яичко*, *словно яичко облупленное* – "так ясно, готово" [Михельсон 1912 : 313, 1041], которые как будто приближают к этимологической расшифровке Н.М. Шанского.

Более детализированный взгляд на приведенные выше обороты вскрывает, однако, и некоторые семантические различия.

Во-первых, чистота и ясность предельно облегчают познание, что вступает в некоторое противоречие с основной семантической доминантой сравнения *знать как облупленного*: познание до деталей, до "потрохов" требует как раз преодоления неясностей, трудностей, расплывчатостей. Не случайно ни одно из сравнений типа (*ясно*) *как облупленное яичко* (*ясно как апельсин*, *ясно как божий день*, *ясно как шоколад*, *просто как колумбово яйцо*) не дало в русском языке оборота типа *знать как облупленного*. Да и *знать как свои пять пальцев* никак невозможно преобразовать в *ясно как пять пальцев*.

Во-вторых, в выражении *как облупленное яичко* прилагательное стоит в среднем роде, что должно было как-либо отразиться на дальнейшей судьбе сравнения. А именно – это сравнение должно бы ориентироваться в основном на характеристику неодушевленных существительных. Но, как мы видели из примеров, все писатели, кроме В. Шукшина, предпочитают употреблять его применительно к человеку. Уже потому можно подозревать, что утраченное существительное могло относиться к классу одушевленных.

Наконец, сомнения в первичности сочетания *как облупленное яичко* вызывает масштаб распространения "полного" и "усеченного" вариантов в диалектах и других славянских языках. Сравнение (*чисто*, *ясно*) *как облупленное яичко* зафиксировано лишь в сборнике М.И. Михельсона. И это не случайно, поскольку он, по-видимому (как это иногда им делалось), несколько "скорректировал" здесь В.И. Даля, у которого соответствующее выражение звучит иначе: *Налицо – как яйцо (готово)* и *Все налицо как выеденное яйцо, ясно* [Д., 4: 676]. Как облупленное же яичко и в народных говорах, и в литературном употреблении обозначает что-либо гладкое и чистое, а отнюдь не ясное. А *облупить как яичко* переносит нас вообще в иную, "криминальную" сферу, ибо значит "начисто ограбить": – Э-эх, купцы, купцы... самито крещеного человека при случае *как яичко облупите* (Н. Наумов. Как аукнется, так и откликнется).

Если границы распространения оборота (*ясно*) *как облупленное яичко* не простираются за пределы сборника М.И. Михельсона, то выражение *знать как облупленного* известно не только всему русскому просторечию и литературному языку, но и многим говорам. Уже в прошлом веке оно было записано, например, на Смоленщине: *Теперь каждый знает друга я аблуплинава* [Добровольский 1914 : 34]. Диалектологи зафиксировали его также в псковских и приволжских говорах. Характерно, что в той же зоне этот оборот имеет вариант *узнавать / узнать кого-либо облупленного (облупленным)* "знать кого-либо очень, слишком хорошо" (пск., смол. [СРНГ, 22 : 112]). Такое употребление еще раз заставляет усомниться в

исконности образа яичка, ибо здесь явно выражена направленность на человека: "Я его облупленного могу узнавать", "Я узнаю тебя и облупленным".

Сравнение *знать как облупленного* встречается и в близкородственных белорусском и украинском языках, причем именно в народном обиходе, что свидетельствует в пользу его исконности. Бел. *знаем его як облупленнаго* как "поговорку" записал И.И. Носович [Насовіч 1983 : 348], а укр. *знають як облупленного* – Б.Д. Гринченко [Грінченко 1909 : 16]. Любопытно, что белорусский лексикограф относит это выражение к *облупленный* – "голый, не одетый, не убранный", а украинский – к *облупленный* "ободранный". Понятно, что это еще не этимологические расшифровки, а словарные толкования, но они все-таки дают и некоторую семантическую "подсказку" при поисках верного ответа. Ведь не случайно в этих толкованиях нет и намек на узко "специализированное" *облупленное яичко*: в белорусской и украинской народной речи нет соответствующих сравнений, из которых можно было бы вывести наше общее *знать как облупленного*.

В поисках истинного прототипа можно прибегнуть к структурно-семантическому моделированию – методике этимологического анализа фразеологизмов, построенной на выявлении модели-доминанты, учитывающей диалектный материал и стабильную идеографическую ось. Однако в нашем случае из-за довольно узких, восточно-славянских границ распространения оборота такой анализ, увы, не дает сразу желаемого результата. Славянские языки по-разному передают идею досконального знакомства с кем-либо. В белорусском, кроме известного еще по словарю И.И. Носовича *ведаць як аблупленага*, находим *ведаць як свае пяць пальцаў*, *ведаць як пацеры што* (букв. *знать как начало молитвы "Патер ностер"*) [Мяцельская, Камароўскі 1972: 36–37], *ведаць як ліхога шэлега* (*знать как испорченную полушку*) [Янкоўскі 1973 : 25]. В украинском есть близкие белорусским обороты: *так го знає, як злий (лихий) шельг* (он его знает, как испорченную полушку) [Фр., 2 : 207] и *я его так знаю як амінь в пацєрі* (я его знаю, как "аминь" в "Патер ностер") [Фр., 2 : 208], а также – *так го знає, як квасне ябко* (знает его как квашеное яблоко) [Фр., 2: 207] и *знати як старі свої чоботи* (*знать как свои старые ботинки*) [Олійник, Сидоренко 1978 : 301]. Можно привести и массу славянских соответствий на эту идеографическую тему: польск. *znać jak zły szeląg* (*знать как испорченную полушку*), словацк. *poznať ako falšný peniaz* (*знать как фальшивую деньги*), чеш. *znát jako zlý (falešný) groš (peníz)* (*знать как испорченный [фальшивый] грош [деньгу]*), *znát jako své boty* (*знать как свои ботинки*), *znát jako svůj kabát* (*знать как своё пальто*), *znát jako svou kapsu* (*знать как свой карман*), *znát jako svůj palec* (*знать как свой большой палец*), *znát jako svou dlaň* (*знать как свою ладонь*) [Zaorálek 1963: 751] и т.п.

Разгадка, между тем, находится именно в той зоне, где записаны народные сравнения о ком-то (или пока – и чем-то?) облупленном. В белорусской народной речи известно сравнение *ведаць, як аблупленную козу* – "знать как облупленную козу" [Янкоўскі 1962 : 399; 1973 : 29]. Значит, первоначально речь могла идти именно о козе.

Такая расшифровка помогает прежде всего понять, почему наш оборот употребляется почти исключительно как характеристика людей. Ведь практически все сравнения с *козой* характеризуют именно человека: *прыгае як коза*, *смотрыць як коза*, *драть як сидорову козу*. Кстати, последнее сравнение широко употребляется и с глаголом *лупить*, от которого образованы причастия *облупленный* и *лупленный*: Надо же было ему, этакому французскому поганцу, сюда заехать и такое пакостное дело здесь учинить, чтобы мы его тут на свой фасон *как сидорову козу лупили* (Н. Лесков. Пигмей).

Уместно здесь вспомнить, как кажется, и о "козе лупленной" из известной народной русской сказки. Она так и начинается: "Коза рухлена, половина бока луплена!..

Слушай, послушай!.." [Афанасьев 1957, I : 89]. *Рухлена* здесь – "слабая, хилая; старая, негодная", а *луплена* – "ободрана". Эта коза приобретает, по сказке, плачевную известность акцией насилия: заперлась в избе и не пускала туда бедного зайчика. Попеременно ее узнают и пытаются оттуда изгнать бирюк – волк, кочет – петух и, наконец, пчелка, ужалившая лупленую козу в бок и тем самым положившая конец "агрессии".

Версия о *лупленой*, т.е. ободранной длительным битьем козе как главной "героине" нашего оборота подтверждается и данными русских народных говоров. В Сибири во многих местах записано сравнение, полностью синонимичное литературному, – *знать как ободранного*: Вы его как *ободранного* знаете (кемер. том. [СРНГ, 22 : 156]); Вы его как *ободранного* знаете, с веточек-то (том.); – Абызнава я знаю, как *ободранного*, не сиберак (sic!) он (кемер.) [Орел 1972 : 223; Фёдоров 1980 : 171; ФСС : 124]. *Ободранный* в этом устойчивом сравнении, как верно отметили составители "Словаря русских народных говоров", значит "высеченный розгой" [СРНГ, 22 : 156]. Ср. бранное выражение *коза дра́ная* [СлРЯ, IV : 1330] – прямую перекличку со сказочной "козой лупленой".

Любопытно, что в одном из говоров движение этого сравнения к характеристике исключительно человека выразилось в превращении *ободранного* в *обббранного*: *Знаем мы его как обобранного* (Ольхонский р-н Иркутской обл.) [Ройзензон, Андреева 1972 : 153]. Локальная ограниченность второго варианта свидетельствует о его вторичности. Тем более, что ассоциация *ободрать* "облупить шкуру" или "содрать кору" → "огрابتь" характерна и для сравнения об облуплении Сидоровой козы: *Меньше двугривенного со строки не берите!.. Их надо обдирать, как сидоровых коз* (П. Боборыкин. Ходок). В говорах (недалеко от Чебоксар), кстати, сравнение *обдирать как сидорову козу* было также записано в значении "огрابتь, обчистить до предела" [СлРЯ, IV : 1328], что подтверждает устойчивость такой связи.

В некоторых славянских языках можно найти и отдельные косвенные подтверждения версии об облупленной козе. В сербохорватском языке есть выражение *derati istu (staru, svoju) kozu* – "говорить, повторять, твердить одно и то же" [Matešić 1982 : 268]. Буквально оно значит "драть ту же самую [старую] козу". Здесь, как видим, лупка старой козы ассоциируется именно с доскональной известностью. Близко к этому мотиву и чешское сравнение *já do něj vidím jak do hladový (hubeně) kozy* (или *jako skrz hubenou kozu*) – "я его знаю досконально, как облупленного" [Zaorálek 1963 : 513]. Буквально оно значит "я вижу тебя насквозь как голодную (худую) козу". "Облупленности" тут, правда, нет, но зато сравнения о голодной (худой) козе (худой в каком-то смысле и драмой) полностью адекватны по смыслу русскому обороту *знать как облупленного*.

Наконец, последний аргумент: ныне устаревшее в русском языке сравнение *знают его все, как рябую собаку*. Его отразил в своем словаре В.И. Даль [Д., 4 : 251], сопроводив при этом примечанием: "переводное с немецкого". Что ж – сравнение с рябой или пестрой собакой, действительно, – калька с немецкого, хотя сам В.И. Даль записал и чисто русское сравнение того же типа о собаке: *его знают, как попову собаку* [ДП : 489]. Историки немецкой фразеологии довольно легко объясняют метафорический смысл выражения *bekannt wie ein bunter (scheckiger) Hund*: поскольку собаки бывают в основном одномастными, то рябая или пестрая резко бросается в глаза, легко запоминается и становится всем известной [Röhricht 1977, 2 : 446]. Аналогичны по образу албанские и румынские выражения *i njohu si kali baloshi* и *sinuscuit ca un cal breaz* "очень хорошо всем известен" – букв. "известен как белолобый конь" [Артемьева 1989 : 17]. Ср. также диалектный оборот *знать как белого воробья*: – Папахен тоже на ярмарке, – предупредил Верёвкин, когда они подъезжали к каким-то номерам. – Надо будет его разыскивать. Впрочем, их с Ломтевым все знают, как белых воробьев (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

Понятно, что албанский и румынский "белолобик", немецкая рябая собака и даже русская попова собака весьма далеки от облупленной козы в нашем обороте уже потому, что в "лошадиных" и "собачьих" сравнениях нет никаких данных об избииении. Тем не менее важно, что известность здесь связана именно с ж и в о т н ы м, а не с облупленным яйчком. Значит, такая семантическая модель "работает" не только у славян. Между прочим, любопытны в этом отношении близкородственные литовский и латышский языки: в первом досконально известного человека характеризуют буквально так же, как и в русском, – *pažinti kaip nulupta* (знать как облупленного), во втором – как в немецком: *pažīt kā raibu suni* (знать как рябую собаку). Как видим, – от лулпеной козы до рябой собаки не так уж и далеко...

Итак, поиски выпавшего звена из оборота *знать как облупленного* привели к реконструкции исходного сравнения *знать как облупленную козу*. Образ этот вполне логичен, если учесть, что коза – неперемный объект побоев (ср. *бить как сидорову козу*): раз бит, – значит, свой, домашний, "ученый", хорошо известный. Причем известный со всеми недостатками и погрешностями, капризами и причудами. Словом, – такой, которого *знают как облупленного*.

Представленный конкретный разбор этимологии сравнения о лулпеной козе весьма характерен своей идеографической направленностью. Лишь массированным анализом большой группы оборотов одного семантического поля можно "высветить" ту или иную историко-этимологическую версию. Методика такого идеографического "высвечивания" может быть, как представляется, с успехом применена ко многим случаям диахронической расшифровки фразеологии – тем более, что библиографическая "паспортизация" многих версий по отдельным оборотам романских, германских и славянских языков к настоящему времени весьма продвинулась вперед (Mieder 1982; 1990; 1993; Бирих, Мокиенко, Степанова 1994а).

Идеографический подход к историко-этимологической интерпретации ФЕ может иметь различный масштаб – от микроареального (локального, узко регионального) до глобально-ареального (междialeктного и межъязыкового). Чем крупнее масштаб такого анализа, тем острее и проблематичнее необходимость разграничения универсально-типологических (общечеловеческих) и национально-специфических элементов семантики ФЕ, этимология которых становится объектом анализа. Для точного диагноза здесь необходимо последовательное ареальное описание и межъязыковое сопоставление на системном уровне. Особой методики требуют заимствования и интернациональные ФЕ, характеризующиеся своей идеографической спецификой. При всей индивидуальности и детализированности приемов историко-этимологического анализа фразеологии они, однако, имеют одну общую особенность: чем более развернута их идеографическая проекция, тем объективнее этот анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемяева Л.А. 1989 – Сравнительное изучение фразеологии как проблема балканистики (на материале албанского языка в сопоставлении с румынским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
- Афанасьев А.Н. 1957 – Народные русские сказки. Т. I–III. М., 1957.
- Бахвалова Т.В. 1983 – Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров). Орел, 1993.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. 1992, 1993, 1994 – Словарь фразеологических синонимов русского языка // Russian philology. Occasional papers. Hyderabad, 1992. № 11; 1993. № 12; 1994. № 13.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. 1994а – История и этимология русских фразеологизмов (Библиографический указатель). 1825–1994. München, 1994 (Specimina Philologiae Slavicae. Supplementband 36).
- Бойцов С.А. 1986 – Устойчивые сравнения в брянских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
- Гринев А.Г. 1994 – Квантитативная фразеология русского языка (на фоне польского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
- Гринченко Б.Д. 1909 – Словарь української мови. Т. 1–4. Київ, 1909.
- Д. – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1955.

- Демьянович Н.И. 1980 – Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках (сопоставительный анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
- Добровольский В.Н. 1914 – Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- ДП – Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Ермола В.И. 1983 – Кашубская фразеология: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
- Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. 1987 – Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987.
- Ивашко Л.А. 1981 – Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981.
- Ивашко Л.А. 1994 – Диалектная фразеология и ее формирование на базе лексики народной речи: Науч. докл. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994.
- Ивченко А.А. 1987 – Идеографическое и ареальное описание фразеологии верхнелужицкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
- ИИЭФ 1994 – Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии. Псков, 1994.
- Кабанова Н.М. 1986 – Компаративные фразеологические единицы болгарского, сербохорватского и словенского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
- Караулов Ю.Н. 1976 – Общая и русская идеография. М., 1976.
- Коломієць М.П., Регушевський Е.С. 1988 – Словник фразеологічних синонімів / За ред. В.О. Винника. Київ, 1988.
- Материалы 1993 – Материалы к этимологическому словарю русской фразеологии. Этимологии профессора В.М. Мокиенко / Отв. ред. А.М. Бушуй, Е.К. Николаева, Л.И. Степанова. СПб.; Самарканд, 1993.
- Михельсон М.И. 1902–1903 – Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. СПб., 1902–1903.
- Михельсон М.И. 1912 – Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмерт. изд. СПб., 1912.
- Мокиенко В.М. 1973 – Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // ВЯ. 1973. № 2.
- Мокиенко В.М. 1974 – На Маланьину свадьбу // РР. 1974. № 4.
- Мокиенко В.М. 1980 – Славянская фразеология. М., 1980; 2-е изд. М., 1989.
- Мокиенко В.М. 1982 – О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение / Под ред. Е.М. Верещагина. М., 1982.
- Мокиенко В.М. 1986 – Образы русской речи. Л., 1986.
- Мокиенко В.М. 1988 – [Рецензия] // РЯШ. 1988. № 6. – Рец. на кн.: Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987.
- Мокиенко В.М. 1989 – см. Мокиенко В.М. 1980.
- Мокиенко В.М. 1989а – Заведенные часы и нерезанные собаки // РР. 1989. № 2.
- Мокиенко В.М. 1990 – Фразеологічний довідник з української синонімії // Мовознавство. 1990. № 3. – Рец. на кн.: М.П. Коломієць, С.С. Регушевський. Словник фразеологічних синонімів. Київ, 1988.
- Мокиенко В.М. 1994 – Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Russistik. 1994. № 1–2.
- Морковкин В.В. 1970 – Идеографические словари. М., 1970.
- Мяцельская Е.С., Камароўскі Я.М. 1972 – Слоўнік беларуской народнай фразеалогіі. Мінск, 1972.
- Насовіч І.І. 1983 – Слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1983.
- Никитина Т.Г. 1994 – Идеографическая систематизация фразеологии и проблема границ идиомы // Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии. Псков, 1994.
- Николаева Е.К. 1989 – Идеографическое описание компаративных фразеологических единиц польского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
- Овсянников В.З. 1933 – Литературная речь. Толковый словарь современной общеупотребительной фразеологии. М., 1933.
- Огольцев В.М. 1984 – Устойчивые сравнения русского языка. М., 1984.
- Олійник Ш.С., Сидоренко М.М. 1978 – Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник. Вид. 2-е. Київ, 1978.
- Орел М.В. 1972 – Диалектная фразеология среднеобских старожильческих говоров (материалы для словаря) // Вопросы фразеологии. Вып. VI. Самарканд, 1972.
- Подюков И.А. 1990 – Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь, 1990.
- Покровский М.М. 1895 – Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1895.
- Ройзензон Л.И. 1972 – Фразеология и страноведение // Бюллетень по фразеологии. Самарканд, 1972. № 1.
- Ройзензон Л.И., Андреева Л.А. 1972 – Словарь русской диалектной фразеологии Ольхонского района Иркутской области // Вопросы фразеологии. Вып. VI. Самарканд, 1972.
- СлРЯ – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Вып. 1–3. СПб., 1891–1899; Т. II–IX. СПб.–Л., 1897–1929.

- Смолякова Н.А. 1984 – Семантические поля в болгарской фразеологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Вып. 1–27. Л.–СПб., 1965–1992.
- Степанова Л.И. 1985 – Фразеологические единицы с именами собственными (на материале чешского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985.
- Тепляков И.М. 1983 – Фразеологические средства выражения понятия неопределенно-большого множества в современном чешском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
- Толстой Н.И. 1973 – О реконструкции праславянской фразеологии // Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1973.
- Успенский Б.А. 1988 – Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (семантика русского мата в историческом освещении) // Semiotics and the history of culture. In honor of Jurij Lotman. Studies in Russian. Columbus (Ohio), 1988.
- Федоров А.И. 1980 – Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980.
- Федоров А.И. 1991 – Лексикографическая характеристика фразеологизмов, помещенных в словаре // Фразеологический словарь русского литературного языка. Новосибирск, 1991.
- Фр. – Галицько-руські приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив д-р Іван Франко. В 3 т., 6 вип // Етнографічний збірник. Т. 10. Львів, 1901; Т. 16. 1905; Т. 23. 1907; Т. 24. 1908; Т. 27. 1909; Т. 28. 1910.
- ФСС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1983.
- Шанский Н.М. 1985 – Фразеология современного русского языка. М., 1985.
- Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. 1979 – Краткий этимологический словарь русской фразеологии // РЯШ. 1979. № 4.
- Янкоўскі Ф.М. 1962 – Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Выд. 2-е. Мінск, 1962.
- Янкоўскі Ф.М. 1973 – Беларускія народныя параўнанні: Кароткі слоўнік. Мінск, 1973.
- Buck C.D. 1949 – A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.
- Casares J. 1959 – Diccionario ideológico de la lengua Española. Barcelona, 1959.
- Eckert R. 1991 – Studien zur historischen Phraseologie der slawischen Sprachen (Unter Berücksichtigung des Baltischen). München, 1991. (Slavistische Beiträge; Bd 281).
- Lewicki A.M., Pajdzińska A. 1993 – Frazologia // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. T. 2. Współczesny język polski / Pod red. J. Bartmińskiego. Wrocław, 1993.
- Matešić J. 1982 – Frazološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1982.
- Mieder W. 1982 – International proverb scholarship: An annotated bibliography. N.Y., 1982.
- Mieder W. 1990 – International proverb scholarship: An annotated bibliography. Suppl. I (1800–1981). N.Y., 1990.
- Mieder W. 1993 – International proverb scholarship: An annotated bibliography. Suppl. II (1982–1991). N.Y.; L., 1993.
- Rogert P.M. 1852, 1882 – Thesaurus of English words and phrases. L., 1852, 1882 и др. изд.
- Rogert P.M. 1925 – Thesaurus of English words and phrases. New impression. Philadelphia, 1925.
- Röhrich L. 1977 – Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd I–IV. Freiburg; Basel; Wien, 1977.
- Sanders D. 1873–1877 – Deutscher Wortschatz. Tübingen, 1873–1877. Photomechan. Nachdruck. Tübingen, 1986.
- Scherman H. 1989 – Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten / Unter Mitarbeit von R. Birkenhauer. Straelen, 1989.
- Schröpper Y., Hönig A. Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Heidelberg, 1989–.
- Zaorálek J. 1963 – Lidová rčení. Vyd. 2-e. Praha, 1963.